

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Помеха
справа

Елена и Ирка

Елена Логунова

Помеха справа

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Помеха справа / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2022 — (Елена и Ирка)

ISBN 978-5-04-170045-4

Тележурналистка и писательница Елена и ее боевая подружка Ирка явились на этот пустырь вовсе не выгулять Иркиных близнецов на полуразрушенных детских аттракционах. Просто это идеальный наблюдательный пункт за автошколой, где учится Ленин сын. Колюша хоть уже и большой мальчик, оставить его без присмотра любящая мама никак не может! И правильно делает — прямо на площадке, где тренировались ученики, прогремел взрыв! Коля не пострадал, но оставлять это дело без внимания известные сыщицы-любительницы не намерены! Известная тележурналистка и писательница Лена и ее неунывающая подружка Ирка — героини многих иронических детективов Елены Логуновой. В ее новом остросюжетном романе «Помеха справа» они снова берутся за свое! Ведь дамы просто жить не могут без криминальных приключений. В книгу включены эксклюзивные материалы от автора. Внимание, только в электронном формате!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-170045-4

© Логунова Е. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Ивановна Логунова

Помеха справа

© Логунова Е. И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Вместо предисловия

– Ну все, мне пора!

Девушка резко подскочила, толкнув стол и едва не перевернув чайную чашку – впрочем, уже пустую. На ходу дожевывая бутерброд, она выбежала из кухни и заметалась по тесной прихожей, спешно собираясь к выходу.

Куртка, сумка, на всякий случай шапка – ей никак нельзя болеть, вбить ноги в кроссы... Нет-нет, что за дурная привычка: надо аккуратно обуть, пользуясь ложечкой, чтобы не травмировать задники!

И, разумеется, покачаться с носка на пятку, любуясь, как блестит глянцевая белоснежная кожа новых брендовых кроссовок.

– А? Красота же?

Подруга кивнула, снисходительно соглашаясь: да, красота.

– Вернусь к обеду, не скучай!

Подруга потянулась, девушка наклонилась и звонко – даже уши заложило – поцеловала воздух у ее щек:

– Чмоки, чмоки!

Подруга предпочла бы символическим поцелуям настоящие, но пачкаться в помаде не хотелось.

Если бы она знала, что будет дальше, то вцепилась бы в девушку, удержала, не позволила выйти за дверь.

Но она, к сожалению, не умела заглядывать так далеко, чувствовала только ту беду, что подошла совсем близко, вплотную.

– Надолго не прощаюсь! – Девушка сунула в сумку ключи, выскочила за порог и захлопнула за собой дверь.

Ни к обеду, ни к ужину она не пришла.

Вообще никогда не вернулась.

Глава 1

– По-моему, у моих башибузуков есть дар ясновидения, – задумчиво сказала Ирка, посмотрев на упомянутых братьев-разбойников – семилетних близнецов Масыню и Манюню.

Я тоже поглядела на ее башибузуков. В настоящий момент они с пытением и сопением затаскивали на детскую горку самокат, явно намереваясь съехать с кручи на нем, а не на собственных попах, и крайне мало походили на ясновидящих. Даже не будучи Вангой, я могла уверенно напроорочить, что самокатчика-экстремала ждет отнюдь не мягкая посадка.

Однако Ирка хранила буддистское спокойствие – возможно, картина, нарисованная ее собственным ясновидением, отличалась от явившейся мне.

Моя лучшая подруга вообще большая оптимистка, и это я сейчас не про ее живой вес, составляющий ровно сто кило.

Ирка неизменно позитивно настроена, это ее врожденный талант, которому можно только позавидовать. Я-то, прогнозируя развитие каких угодно событий, непременно вижу и пару-тройку негативных вариантов.

Сказать ей, что пацаны сейчас грохнутся, или лучше не каркать?

К счастью, Масыня и Манюня меня как будто услышали и спустили свой самокат с горки порожняком, без пилота-камикадзе.

Условно летательный аппарат прогрохотал колесиками по железному желобу, с середины кручи ушел в отрыв, уже в воздухе перевернулся и красиво приземлился вверх тормашками, воткнувшись в кучу опавших листьев рулем.

Кажется, так и было задумано – башибузуки радостно загомонили.

– Конечно, у них есть дар ясновидения, – согласилась я с невозмутимой матерью юных разбойников, продолжая прерванный на время эффектного полета самоката разговор. – У меня в сумке был шоколадный батончик, он больше месяца там пролежал, успел слетать со мной в три разных города. Я про него давно забыла, а твои башибузуки его моментально нашли. Вот как? Не учуяли же? Уясновидали, значит.

– Это не ясновидение, это опыт, – отмахнулась подруга. – У тебя в сумке всегда есть что-то давно забытое.

Я развела руками, признавая справедливость этого... ну, скажем, наблюдения. Не упрека же?

Мы с Иркой любим друг друга такими, как есть, со всеми нашими несовершенствами.

Не зря говорят, что противоположности сходятся!

Да, у меня в сумке царит вечный хаос, зато в объемистой торбе подруги всегда такой порядок, что позавидует самый педантичный интентант военного склада. При этом в Иркиной ручной клади имеется столько всего нужного и полезного, что с одной ее сумкой можно вполне комфортно претерпеть продолжительную робинзонаду на необитаемом острове.

– Позавчера они завели ежика, – со значением сказала Ирка, снова посмотрев на своих потомков.

Я подумала, что она сменила тему, и покивала – да, с Масыней и Манюней только истинный буддист не придет в состояние «на взводе» в считанные минуты, ежик тоже не мог не завестись. Но оказалось, что мы все еще говорим о ясновидении:

– Пошли вечером гулять с собакой, а вернулись с ежом.

– И без собаки?

– Нет, с ежом и с собакой. Ежу построили шалаш в саду под яблоней, назвали его Дмитрием Палычем...

Я молча подняла брови.

– Так зовут нашего тренера по дзюдо, а у него поступь такая... своеобразная. Шаги частые и с отчетливым стуком подошв, – пояснила Ирка. – Еж почти так же топает. Я говорю: «Мальчишки, зачем вам ежик? Это не домашнее животное». А они мне: «Пригодится, мамочка!» Представляешь?

– С трудом, – призналась я. – Как-то сложно мне придумать ситуацию, в которой может пригодиться ежик. Не за грибами же они его посылать будут?

Воображение тут же нарисовало мне дрессированного ежика повышенной грузоподъемности, несущего на своем горбу четко в направлении дома Максимовых полпуда лесных сыроежек.

– Вот и я не знала, что думать, – Ирка вытянула из кармана мобильник. – А вчера в родительском чате написали вот это!

И она прочитала с экрана:

– «Затра всем принести тыс. руб. и поделку ежика!»

– Сруб? – недослышала я.

А что? Мы в свое время в школу чего только не носили...

– «Тыс. руб.» – это «тысячу рублей», не фиксируйся на мелочах!

– Ничего себе – мелочь! Тысяча рублей – это деньги! – не согласилась я.

– Не в деньгах счастье, – назидательно сказала подруга, и тут я спорить не стала. – Вернемся к ежику. В итоге он пригодился, чтобы сделать поделку! С натуры, так сказать.

– Подделку, – уточнила я, взглянув на сообщение в чате. – Тут с ошибкой написано: «подделку ежика». Ха, это смешно!

– М-м-м?

– Ну, вы же ежика своего Дмитрием Палычем назвали? Значит, подделка ежика – Лжедмитрий! – Я захихикала.

– Лжедмитрий Первый и Лжедмитрий Второй, мы же две поделки смастерили, – Ирка тоже хохотнула. – Так вот, я к чему это? Башибузуки как чувствовали, что ежик пригодится! Что это, если не дар ясновидения?

– А мы в первом классе еще жирафа из желудей делали, – припомнила я.

– Да? Ну, жирафа они с вечерней прогулки не приведут, – сказала подруга, однако уверенности в ее голосе не было: от Масяни с Манюней много чего можно ожидать. Даже жирафа.

– Однажды они приведут невест, – напроорочила я уныло.

– Да лишь бы не женихов! – отмахнулась Ирка. – И вообще, не каждая приведенная в дом подружка – невеста, расслабься. Колюшка же сказал вам, что женится не раньше, чем в двадцать пять, у тебя еще целых шесть лет, чтобы морально подготовиться.

– Сказать-то он сказал...

– Эй! У тебя сынище – человек слова! И дела. Он, если что-то запланировал, идет по пунктам, как по ступенькам!

– Это правда, – я приободрилась.

Планирование – действительно сильная сторона моего потомка. Он ставит себе цель и идет к ней, заранее просчитав шаги. Удивительный талант, не от меня унаследованный, это точно! Я не то чтобы непоследовательна и хаотична, просто иногда выгляжу неорганизованной, потому что то и дело запросто корректирую свои планы на ходу. К примеру, отправляюсь в магазин за коричневым ламинатом, а возвращаюсь с голубым ковролином.

У Колюшки все четко. В начале года он составил список дел на двенадцать месяцев, обозначив как приоритет получение водительских прав, и в рамках достижения поставленной цели нашел подработку, накопил нужную сумму денег, промониторил городские автошколы, выбрал лучшую, прошел медкомиссию, заплатил за обучение и наконец приступил к занятиям.

Собственно, именно поэтому мы с Иркой и башибузуками кто во что горазд развлекались на заброшенной детской площадке: с нее был виден автодром, на котором занимался Колюшка.

Как заботливая мать, я считала своим долгом приглядывать за милым крошкой (сто девяносто пять сэмэ и восемьдесят кило юношеской наивности и простодушия), но понимала, что делать это можно только тайком. Сын оскорбился бы, узнав, что за ним надзирают, да и товарищи стали бы над ним насмехаться.

Поэтому, пока Колюшка добросовестно отрабатывал «змейку» и боковую парковку, я практиковалась в скрытном наружном наблюдении при помощи и поддержке лучшей подруги.

Ирка, во-первых, привезла меня на точку, во-вторых, дала бинокль. Она его постоянно носит в сумке, чтобы всегда иметь возможность высмотреть на местности собственных деток.

Если бы у меня не было надобности в наблюдательном пункте, мы бы не зависали на территории, представляющей собой нечто среднее между полянкой лесных фей и армейским полигоном.

Когда-то это была классическая советская детская площадка с нехитрыми, но очень прочными качельками-карусельками, горкой из танкового железа и разновеликими турниками на опорах из толстых труб. Теперь подступы к турникам заросли непролазным бурьяном, горка опасно покосилась, от карусельки остался ржавый остов, похожий на средневековый пыточный механизм, и все вместе выглядело бы пугающе, если бы не яркий праздничный узор толстого ковра из желтых и красных листьев.

Тем не менее, заботливые мамочки не водили впечатлительных деток сюда играть, предпочитая этому памятнику былых времен современный игровой городок во дворе нового жилого комплекса или бесплатную площадку под крышей соседнего торгового центра.

Масяня и Манюня резвились и шумели каждый за троих, но, как ни старались, не могли заполнить собой всю территорию. Кроме нас четверых, на площадке пассивно выгуливалась одна девочка.

Или девушка.

Или бабушка – поди пойми, кто именно одет в широкие штаны и мешковатую толстовку с поднятым капюшоном и длинными, как у Пьеро, рукавами!

Какая-то гражданочка женского пола, точнее не скажешь.

Я и пол-то ее определила без уверенности, потому что длинные волосы нынче и парни носят. Личико, затененное капюшоном, прочно скрывали солнечные очки и медицинская маска, руки прятали белые латексные перчатки. Без них можно было бы увидеть маникюр и по его форме и цвету приблизительно угадать возраст гражданочки.

– Девушка крайне серьезно относится к соблюдению противоэпидемических мер, – заметив, что я засматриваюсь на таинственную мадам Пьеро, нашептала мне Ирка.

– Почему ты думаешь, что это девушка, а не бабушка?

– На ней очень модные молодежные кроссовки. Моя племянница Женька попросила такие же на день рождения, я посмотрела, сколько они стоят – мама дорогая! Дешевле купить лабутены.

– Seriously? – пользуясь тем, что девушка сидела к нам боком и смотрела в другую сторону, я пригляделась и согласилась с подругой: – Да, ты права. Кроссовки на ней очень модные и дорогие. А вот все остальное – как из секонд-хенда, в этом смысле обувь с одеждой не гармонирует.

– Зато она прекрасно сочетается со стаканом из «Старбакса». Там кофе очень недешевый, а у нее большая порция, ноль пять или даже ноль семь.

– Эх, молодость! Последнее отдашь, лишь бы выглядеть круто, – я вздохнула, но без прискорбия.

С тех пор, как сын начал сам зарабатывать, его карманные расходы – уже не моя проблема.

– О, смотри, приехал твой юный Шумахер! – Ирка посмотрела в бинокль и передала прибор мне.

Я подкрутила окуляры, настраивая их под свое небезупречное зрение, и близко увидела сосредоточенную физиономию сына за рулем учебного автомобиля. Инструктор вышел из машины и выразительным жестом отправил Колюшку на горку.

– Он сказал «Поехали!» и махнул рукой, – пробормотала я озабоченно.

Когда я сама училась водить, горка была для меня самым сложным упражнением. Я все время съезжала с нее назад, а мой инструктор Жора, очень противный пристающий тип, обидно ржал, утверждая: это все потому, что у кого-то слишком длинные ноги. Мол, сигнал от головного мозга до ступней идет слишком долго.

Но сын и тут пошел не в маму, с горкой он справлялся вполне уверенно. В отличие от других учеников, которые глохли на подъеме все поголовно.

По автодрому яркими букашками ползали пять учебных автомобилей. Расписная колесница, управляемая Колюшкой, внешне ничем не отличалась от других: тоже вся в надписях, предупреждающих наклейках и с фанерной мансардой на крыше.

Отдав бинокль Ирке, которая тоже хотела оценить водительское мастерство своего крестника, я тут же потеряла нужную машинку среди других – без оптического прибора все они выглядели для меня хаотично снующими пестрыми жучками.

А потом раздался хлопок, и один из жучков, едва заползший на горку, превратился в огненный шар.

Что было дальше – не помню.

– О-о-и-и... – невнятно прогудел голос свыше.

Я с трудом подняла веки и поглядела в небо Аустерлица.

Заслоняя лазурные дали, надо мной нависли три светлых блина, окруженных сияющими нимбами.

– Отойдите! – повторно прогудел голос свыше. – Ей нужен воздух!

Два лучезарных лика отодвинулись на задний план, а третий, наоборот, приблизился и на секунду проявился, но тут же снова скрылся за воздушными завихрениями. Однако я уже поняла, что это Ирка энергично обмахивает меня какой-то картонкой.

Надо же, как, оказывается, рыжие волосы на просвет похожи на нимбы...

И тут я вспомнила: автодром, машинки-букашки, огненный шар!

– Спокойно! – прикрикнула подруга, увидев всплеск дикой паники в моих глазах. – С Колюшкой все в порядке, он был в другой машине! Не в той, которая взорвалась.

– Помогите мне встать, – прохрипела я, с трудом садясь.

Прозвучало это в точности как виевское «Поднимите мне веки». Два рыжих чертенка, опрометчиво принятых мною за ангелов, тут же подскочили, подхватили меня под руки, потянули вверх. Ирка поддержала, помогла воздвигнуться в неустойчивом равновесии, подперла могучим плечом и сразу же сунула мне в руки бинокль:

– Сама посмотри, вон он, у дальнего края площадки, жив и невредим!

Я посмотрела в указанном направлении и испытала невероятное облегчение, увидев своего сына. Он стоял в группе других парней и девушек, видимо, учеников. Все они были без курток и шапок, впопыхах оставленных в машинах, и выглядели испуганными и возбужденными.

– Присядь-ка, – подружка заботливо усадила меня на лавочку. – Сейчас я тебе чего-нибудь дам...

Она полезла в свою сумку-самобранку и быстро нарыла там успокоительное на выбор: блистер с горошинами глицина, маленький шкалик виски из дьюти-фри и шоколадную конфету «Гулливёр».

Я брезгливой гримаской отказалась от глицина и призадумалась, выбирая между виски и конфетой. Решила, что раздавить мерзавчик на глазах у детей будет непедagogично, и потя-

нулась к «Гулливеру», но слишком медленно: Масяня с Манюней меня опередили и тут же покатались клубком, выдирая друг у друга сладкий приз.

– Брейк! – рявкнула Ирка. – Прекратить мордобой, конфет на всех хватит! А ну, сели рядом с тетей Леной!

Тяжело сопящие башибузуки моментально притиснулись ко мне с боков. Заботливая матушка юных разбойников выдала всем, включая себя, по конфете и велела есть медленно – успокаиваться. Но Масяня с Манюней все равно проглотили своих «Гулливеров» так быстро, словно те были лилипутами.

– Как кукушата, – вздохнула Ирка. – Глодают, не жуя, а ведь это вредно для пищеварения...

– И для окружающей среды, – поддакнула я, наклонившись и подобрав брошенные кукушатами конфетные фантики.

Коротко огляделась и выбросила их вместе со своими бумажками в ближайшую мусорку.

– Стой, ты что делаешь! – возмутилась подружка. – Это же не урна!

– Как – не урна? – я недоверчиво пригляделась к серому бетонному сосуду в форме гигантского кубка чемпионов.

– Это же парковая ваза! – На Иркиной румяной физиономии расплылась счастливая улыбка, которую я вижу всякий раз, когда подружке удастся крепко на чем-нибудь сэкономить или купить что-то ценное на блошином рынке. – Кувшин уличный садовый, винтажная штука, мейд ин СССР!

Моя подруга и ее супруг – владельцы процветающего предприятия с игривым названием «Наше семья». Они успешно продают саженцы, инструменты, теплицы, дачную мебель – все для сада и огорода.

– Ты только посмотри, какая прелесть! – Ирка наклонилась и шумно поскребла ногтем выпуклую цветочную гирлянду на вазоне-чемпионе. – И бетон не архитектурный, как сейчас, а настоящий советский, повышенной прочности, марки М500!

По своему первому образованию моя подруга дипломированный инженер-строитель.

– И такое чудо бурьяном зарастает! Ну, это мы так не оставим! – Ирка распрямилась, деловито отряхнула руки и тут же полезла в свою бездонную суму.

Достала пакет и одноразовые перчатки, быстро экипировалась и, что-то укоризненно бормоча, опустошила вазон, который я опрометчиво приняла за мусорку.

И не только я, кстати говоря, так ошиблась: помимо наших конфетных фантиков, в емкости уже покоились три больших бумажных стакана из модной кофейни «Старбакс».

Побросав весь мусор в пакет, подружка поискала глазами, правильной урны поблизости не нашла и сказала:

– Сиди, смотри за мелкими, я буду через минуту, – с чем и удалилась на повышенной скорости.

Я глянула, чем заняты башибузуки – они протапывали тропу в могучем бурьяне, пробираясь к турнику. При сохранении взятого темпа экспедиция должна была достигнуть цели минут через пять.

Я взяла забытый на краю лавочки бинокль и стала смотреть, что происходит на автодроме. Учеников там уже рассадили по машинам, но автомобили не трогались с места.

Немного подумав, я достала мобильник и позвонила полковнику Лазарчуку, но не успела и слова сказать.

– Нет! – гаркнул мне в ухо добрый друг вместо ожидаемого вежливого приветствия.

– Почему сразу «нет»? – обиделась я. – Может, мне от тебя ничего и не нужно? Может, это я тебе хочу помочь?

– Свят, свят, свят! Только не это!

– Что, даже не спросишь, в чем дело?

– Конечно, не спрошу! Но ты же все равно скажешь, да? – Лазарчук приуныл, прекрасно осознавая перспективы.

– Угу. Ты, наверное, еще не знаешь, но скоро вам сообщат, что на автодроме у ТРЦ «Колизей» догорает машина...

– Ваша? – перебил полковник.

– Почему сразу наша? Нет, учебная. Должно быть, в ней бомба взорвалась...

– Ваша? – опять спросил этот в высшей степени подозрительный и пессимистичный тип.

– Что, бомба? – я почувствовала себя несколько польщенной, но все же сочла нужным обидеться: – Ты за кого нас принимаешь, Сереженька? Мы нормальные законопослушные гражданки...

– Ха!

– ...в данном случае – всего лишь свидетели ЧП, – договорила я. – Так что, если понадобятся наши показания – добро пожаловать, ты знаешь, где нас искать вечером в пятницу.

– И где? – полковник наконец-то заинтересовался.

– У Максимовых, разумеется, Моржик закончил новый гриль, это какое-то эпическое сооружение, микс Емелиной печки и крепостного форта, сегодня тест-драйв, тебя разве не звали?

– Вообще-то звали, но у меня...

– Ой, да что там у тебя! – у меня вырвали трубку: я и не заметила, что Ирка вернулась и даже успела послушать наш с подполковником разговор. – Вот у нас действительно нечто: семга в брусничном соусе и свиная шея, маринованная с ягодами можжевельника! Так, говоришь, ты не приедешь, можно съесть твою порцию?

– Я тебе съем! – и гудки.

– Он приедет, – Ирка вернула мне телефон и по-разбойничьи свистнула в два пальца. – Башибузуки, ко мне!

Оказалось, что она вернулась к площадке на машине, которая до того мирно стояла на парковке у торгового центра, зная не зная, что ее – и всех нас – ждет.

Следующие двадцать минут мы грузили в открытый багажник солидного джипа садовый вазон из особо прочного и, зараза, очень тяжелого советского бетона.

Если бы Масяня с Манюней не нашли на подступах к турнику пару достаточно крепких досок, а Ирка с ее инженерным образованием не додумалась применить рычаг, так и остался бы винтажный предмет садово-паркового декора прозябать в забвении и небрежении.

– А потом поедем обедать в торговый центр! – этим заявлением подруга вмиг подняла энтузиазм трудовых масс, и погрузка была успешно завершена.

Меня, однако, беспокоила мысль о том, как юные башибузуки и мать их будут вытаскивать неподъемный бетоновазон из багажника высокого джипа в своем дворе. Максимовы, конечно, запасливое семейство, но что-то я не помню, чтобы у них дома имелась лебедка или подъемный кран...

Ирку, видимо, это обстоятельство тоже тревожило, потому что она вдруг предложила:

– А давай ты не к себе домой поедешь, а сразу к нам? И Колюшу с собой захватим!

– Логично, – я подумала, что лишние четыре руки, из которых две принадлежат крепкому двухметровому парню, в сложившихся обстоятельствах не помешают. – Сейчас я ему позвоню.

Удобное местечко прямо напротив входа в торговый центр, которое джип занимал до того, как ему пришлось переместиться к заброшенной площадке, чтобы стать грузовиком, уже было занято. Пока Ирка кружила вокруг здания в поисках свободного места, я позвонила сыну и предложила ему присоединиться к нашей компании.

– А что это вы тут делаете? – с подозрением поинтересовался потомок.

– Выгуливали башибузуков на детской площадке, теперь идем в «Колизей» есть какой-нибудь вредный фастфуд, – отрапортовала я почти правдиво и с дальним прицелом.

Уж я-то знаю, чем можно соблазнить здорового юношу с прекрасным аппетитом.

– Возьми мне два гамбургера, картошку фри и большой молочный коктейль! Буду через полчаса.

– Почему через полчаса? У тебя разве занятие еще не закончилось?

– Занятие закончилось, но нас тут еще опрашивают...

– Кто, зачем, почему?

– Да так, ерунда. У нас тут что-то вроде репетиции теоретического экзамена, – соврал сын. – Ты поняла? Мне два гамбургера. Нет, лучше три.

– Слушаюсь и повинуюсь, – я закончила разговор, спрятала мобильник в карман и посмотрела на Ирку. – Прикинь? У нас тут, говорит, что-то вроде теоретического экзамена. Репетиция конца света, я бы сказала!

– Находчивый врунишка ваш мелкий! Твои гены! – подружка то ли похвалила сына, то ли упрекнула меня.

Условно мелкий, как я и предполагала, не задержался с прибытием. Шумной компанией мы оккупировали просторный стол на фуд-корте и обстоятельно отобедали, а после с новыми силами отправились к Максимовым.

Впятером под присмотром кота, саркастически наблюдавшего за нашими трудами с высокого крыльца, мы справились с эпической выгрузкой бетоновоза за каких-то двадцать минут, но потом еще битый час катали это произведение садово-паркового искусства по участку, выбирая лучшее место для его постоянной дислокации. Умаялись, запыхались, измазались в грязи, но все-таки водрузили эту винтажную красоту на японскую горку у миниатюрного пруда.

– Я посажу в него традесканцию или еще что-нибудь вьющееся, и плети будут очень красиво свешиваться в воду, – проинформировала меня подруга о своих дальнейших творческих планах, глядя на горделиво высящийся вазон с мечтательным прищуром.

– Традесканцию сажай без нас! – я испугалась, что меня с потомком приговорят к рабскому ландшафтно-дизайнерскому труду.

– Угу, – милостиво кивнула эксплуататорша и громко возвестила: – Всем спасибо, все свободны! Мыться, переодеваться, отдыхать...

Я не успела обрадоваться – тиранша оглянулась на меня и договорила:

– Через полчаса встречаемся на кухне, будем чистить картошку и строгать салаты!

Я подавила тяжелый вздох. Вот знала же, что приезжать к Ирке в гости заблаговременно – плохая идея, она умеет пристроить к работе каждого, кто окажется в поле зрения!

Дети оказались умнее, чем я: они исчезли из виду мгновенно, едва был побежден бетоновоз. А ведь мой сын прекрасно умеет чистить картошку...

Я подавила второй тяжелый вздох.

Колюшка мудро не показывался на глаза нам с Иркой до самого ужина. Подруга и не требовала его присутствия, доверив ему, как старшему, выпас Масяни и Манюни. Дети заперлись в комнате близнецов на втором этаже и явно там не скучали: пока мы с Иркой хлопотали на кухне, над нашими головами что-то периодически бумкало, лязгало и погромыхивало. Я всякий раз настораживалась, но хозяйка дома хранила буддистское спокойствие. И я бы хотела проникнуться этим ее благодетельным настроением, но не могла: не та натура.

В конце концов я не выдержала и напомнила подруге:

– Надо бы как-то выпытать у Колюшки подробности сегодняшнего ЧП на автодроме.

– И в кого это ты такая любопытная? – мягко попеняла мне Ирка, заталкивая в духовку противень с пирогом. Закрыла дверцу, разогнулась, посмотрела на часы, прикинула: – Нет, не успеем уже выпросить подробности, тем более что знаю я твоего мелкого, он будет запираяться и молчать, как партизан на допросе в гестапо. Дождемся уже Лазарчука, накормим его, напоим – и все узнаем.

– Хороший план, – одобрила я. – Главное – простой в исполнении.

– Ну как сказать, – Ирка оглядела готовые к подаче блюда на кухонном островке. Еды там было, как на роту голодных солдат. – Наш полковник неразговорчив, пока не наестся, а накормить его до нужного состояния дело не быстрое. Не рассчитывай на скорое получение информации.

Мудрая подруга не ошиблась. Приступить к разговору на интересующую нас тему ЧП на автодроме получилось только поздно вечером, уже в финале долгого ужина.

– А теперь дамы приглашают кавалеров... помочь с мытьем посуды! – объявила хозяйка дома, встав из-за стола и оглядев упомянутых кавалеров придирчивым взглядом людоеда, выбирающего кого повкуснее.

Ее собственный супруг Моржик и мой Колян при этом не дрогнули, успешно прикидываясь глухими, немymi и вообще очень занятыми другими важными делами. Колян, откинувшись в шезлонге – мы сидели в саду, – взглядом истинного ценителя прекрасного неотрывно рассматривал бетоновазон. Тот и впрямь весьма величественно смотрелся на фоне звездного неба в комплекте с полной луной. Явно целясь в последнюю, Моржик выпускал в ночное небо кольца дыма. Луна при этом приобретала определенное сходство с Сатурном – и впрямь красивое зрелище, даже я засмотрелась!

Ирка дернула меня за руку и с нажимом произнесла:

– Идем в дом!

Я очнулась, глянула на нее, а она кивнула на Лазарчука.

Настоящий полковник, мужчина давно разведенный, а в процессе недолгого супружества не обросший броней, как наши любимые мужья, покорно встал и собирал в стопку пустые тарелки.

Мы с Иркой обменялись понимающими ухмылками и пошли в дом. Лазарчук потянулся следом, как бычок на веревочке.

Едва мы все оказались в кухне, подруга развернулась к полковнику, велела ему:

– Ну, выкладывай! – и при этом явно не имела в виду посуду, которую просто отняла и сама небрежно сгрузила в мойку. – Что там со взрывом на полигоне?

– На автодроме, – машинально поправил ее Лазарчук. И спохватился: – А почему это я должен вам что-то рассказывать?

– Потому что тогда и мы тебе, возможно, что-то расскажем!

– Ладно, – полковник не стал упорствовать. Отошел к диванчику, прежде чем сесть на него, вытянул из заднего кармана джинсов сложенный вчетверо лист бумаги, развернул.

Ирка подпихнула меня локтем, я кивнула – мол, вижу, Лазарчук подготовился. Не дурак, знал, что мы будем спрашивать.

– Все данные – пока предварительные, – предупредил полковник и с бумажкой в руке плюхнулся на диван. Откашлялся: – Итак... В учебном автомобиле было взрывное устройство. Вероятно, дистанционно управляемое.

Я ахнула.

– Спокойно, мамаша! – Серега покосился на меня. – С другими машинами автошколы все в порядке, их тщательно осмотрели.

– То есть взорвать хотели именно этот автомобиль? А почему? Кто был за рулем? – уяснив, что моему сыну вроде бы ничего не грозит, я взяла себя в руки.

– Девочка, вернее, молодая женщина, – Лазарчук заглянул в бумажку. – Антиповец Валентина Антоновна, двадцати лет.

Теперь уже Ирка охнула:

– Такая молодая!

– Антиповец, Антиповец, – я покрутила в голове довольно редкую фамилию. – Это не родственница ли владельца оптовой базы «Буренушка»?

– А ты молодец! – полковник кивнул мне. – Знакома с миллионерами из девяностых?

– Валерий Антиповец – бывший совладелец нашей телекомпании, – припомнила я. – Но он как-то быстро продал свою долю в СМИ, сфокусировался на оптовой торговле продуктами питания и в этом деле преуспел.

– Преуспевал, – поправил меня Лазарчук.

Я подняла бровь.

– Он тоже уже того, – ответил полковник на невысказанный вопрос.

– В смысле – того? – не поняла я. – Тоже умер? Когда, как?

– А вот это самое интересное, – Серега снова заглянул в бумажку. – Гражданин Антиповец Валерий Сергеевич был найден мертвым в своей скромной шестикомнатной хатке по адресу: улица Красная, дом тридцать три, квартира пять, сегодня в половине шестого вечера, – он сложил листок, убрал его в карман и пояснил: – Когда выяснили личность девушки, погибшей при взрыве машины, стали искать ее супруга...

– Зачем? – вклинилась Ирка.

– А то ты не знаешь! – ответила я, потому что Лазарчук только хмыкнул. – По статистике, в смерти жены чаще всего виноват муж – и наоборот. Поэтому супруги убитых – первые подозреваемые.

– Соображаешь, – скупно похвалил меня полковник. – Антиповцу звонили на работу, но в офисе он сегодня не появлялся, на базе его тоже не видели – не редкий случай вообще-то, он же босс, хочет – сидит в конторе, не хочет – не сидит... Короче, нашли его дома. В халате и тапках. Похоже, он еще утром помер.

– От чего? – спросила Ирка.

А я сформулировала вопрос иначе:

– Сам?

И снова удостоилась благосклонного взгляда:

– Это вряд ли.

– Да говори ты прямо! – рассердилась подруга. – Его что, тоже убили, этого Антипова?

– Антиповца. Может, убили, может, сам, – полковник пожал плечами. – Как у нас говорят – все подробности после вскрытия.

– Но хотя бы предварительное заключение есть? – наседала Ирка. – Как он умер-то? В петлю полез? Из окна выпал? Рябчиком подавился?

– Отравился, – Лазарчук встал. – Яд был в коньяке, коньяк в бутылке, бутылка на кухонном столе рядом с чашкой из-под кофе. Все, девушки-красавицы, больше у меня для вас никакой информации нет. А у вас для меня? – он пытливо посмотрел на меня, потом на Ирку.

– А у нас тоже нет, – с откровенным удовольствием ответила подруга.

– Обманщицы, – попенял нам Серега, впрочем, вполне беззлобно.

Он отвлекся – я как раз сдернула полотенце с остывавшего на столе румяного свежего пирога. Наш дорогой полковник сладкоежка и гурман, с помощью вкусной еды им можно ловко манипулировать. Его бывшая супруга просто совсем не умела готовить.

– Но мы обязательно поделимся с тобой всем, что узнаем, – пообещала я и протянула другу поднос с пирогом. – Неси в сад, а мы тут чай-кофе сделаем.

– То есть я правильно догадался, вы собираетесь путаться под ногами у следователей, – резюмировал смущенный полковник, нимало не удивленный. – Дверь откройте, у меня руки заняты...

Ирка фыркнула – вряд ли по поводу занятых рук, скорее, протестуя против нелестной для нас формулировки «путаться под ногами», – но дверь открыла, выпустила полковника с пирогом под звездное небо и дополнительно напутствовала:

– Не споткнись о кота!

Я тихо хмыкнула, оценив четкость ассоциации: кот Макс – вот кто любит путаться под ногами. А мы с подружкой – совсем другое дело. Мы следствию никогда не мешаем, наоборот. Да без нашей помощи у коллег Лазарчука «висяков» было бы на десяток больше!

– М-ма-а-у! – донеслось с крыльца.

Гневный кошачий вопль дополнился матерным человеческим возгласом.

Ирка спешно выглянула в окно:

– Пирог цел?!

– А цел ли я, тебе не интересно?! – возмутился Лазарчук.

– М-мо? – кажется, кот спросил то же самое, но о самом себе.

– Все целы? – дипломатично поинтересовалась я, потеснив подругу в оконном проеме.

Свечки на столе в саду почти погасли, и рассмотреть что-то в их неровном свете было трудно. Пришлось напряженно прислушиваться.

– Я поймал пирог! – похвалился Колян.

– А я поднос! – отрапортовал Моржик.

– А я сейчас поймаю кота, и у вас будет новый меховой коврик! – пообещал Лазарчук.

– Ну вот, все в порядке, – заключила Ирка, отваливаясь от окна.

– Кот с тобой не согласится, – пробормотала я и плюхнулась на диван, как недавно Лазарчук. – Так... Это что же получается? Кто-то прихлопнул супругов Антиповец? Вообще-то относительно Валерия я не удивлена, он смолodu с бандитами якшался, даже странно, что благополучно дожил аж до шестидесяти...

– Сколько-сколько ему было?! – Ирка ахнула и вытаращила глаза. – Шестидесят?! А жене его, как ее... Вале. Всего двадцать! Бог ты мой, совсем молоденькая, жалко девчонку! Попала под раздачу ни за что, наверняка убить хотели этого престарелого Валерия, а ее уже заодно с ним... Чтобы наследство за мужем не получила, точно! – она не затруднилась придумать версию и обрадовалась этому: – Ну, мне все понятно! Это бизнес-разборки!

– Не исключено, – согласилась я.

– И где мой кофе?! – с претензией донеслось из сада.

– Лазарчук! – всплеснула руками Ирка и снова высунулась в окно. – А где мой кот?!

– Удрал, зараза, – с сожалением ответил настоящий полковник.

– Кысечка, а можно мне чаю? – очень вежливо, но довольно невнятно попросил мой муж – у него получилось «Кыфеечка, мофно фне фяю».

– Они там уже жрут пирог! – догадалась я и встревожилась: – Ира, зови детей и бежим к столу, а то нам ничего не достанется!

– Не бойсь, в холодильнике еще есть торт, а в морозилке – ведерко пломбира! – успокоила меня подруга, но мешкать не стала.

В нашей большой и дружной компании никто не страдает отсутствием аппетита.

Чего-чего, а его – и еще любопытства! – у нас избыточно много...

Домой мы с Коляном и Колюшкой вернулись поздно – во втором часу ночи.

Мне очень хотелось спать, но опрометчиво выпитый под пирог и торт с мороженым кофе в количестве трех чашек никак не давал задремать.

Я лежала и мысленно считала овец.

Овцы считаться не хотели.

Приходилось усилием воли заставлять каждую меховую тушку подойти к заборчику и перепрыгнуть его.

Тушки сопротивлялись, блеяли откровенно издевательски.

Я тихо ругалась, отвешивая по мохнатым задницам мобилизующие пинки...

Вдруг с соседней подушки донесся дремотный голос:

– Кыся, а ты знаешь, что овцы умеют распознавать человеческие лица? Прямо как айфон... Хр-ррррр... Хр-рррр... – и супруг-эрудит опять заснул.

А я осталась лежать в тишине и в охренении.

Вот как?! Как он узнал, что я думаю про овец?! Неужели это телепатия?!

Блин, надо бы мне теперь кроликов каких-нибудь начать считать или там собачек. Овцы же, заразы, меня уже распознали и в лицо запомнили, теперь я их даже в кучу не соберу – разбегутся... А спать так хо-о-очется...

Как я уснула – сама не заметила.

Глава 2

Сонный супруг и повелитель выбрал к завтраку с закрытыми глазами, на ходу бормоча:

– Я как медведь-шатун...

Аккурат на этих словах он закономерно наткнулся на стул и грохнулся, конечно же.

– Ты не только шатун, но и падун, – вовремя удержав стул, чтобы он не рухнул на мужа сверху, прокомментировала я происходящее. – И еще валян.

– И еще Колян! – донеслось с пола обиженное.

– То есть, по-твоему, все гармонично и правильно? – я помогла шатуну-падуну и Коляну-валянну подняться.

– А что это вы тут делаете? – с подозрением спросил зевающий сын, заглянув в кухню из коридора.

– Утреннюю гимнастику, – находчиво соврал Колян и показательно присел-поднялся, присел-поднялся. – Рекомендую, очень полезно для здоровья!

– Надеюсь, это не вместо завтрака? – сын обеспокоенно посмотрел на меня как на главную по тарелочкам.

– Нет ничего более полезного для здоровья, чем завтрак, – успокоила я его. – Умывайся и иди к столу, твои оладьи уже готовы.

Вот удивительно, когда сын был маленьким, накормить его удавалось только ценой массовой гибели нервных клеток родителей. Особенно тяжело приходилось Коляну.

– Я не буду суп, налей мне бульон, – повелевал потомок.

Папа выливал из тарелки суп, наливал бульон.

– Ты куда налил бульон? – зловеще шурился сын. – Это грязная тарелка! В ней был суп! Бульон выливался, тарелка мылась, бульон наливался.

– А мясо куда?! Его нельзя в бульон! – возмущался ребенок. – Его в другую тарелку!

Мясо вынималось, перемещалось в другую тарелку.

– Бульон выливай, – твердо говорил маленький деспот. – Он уже испорчен. В нем было мясо!

Бульон выливался, тарелка мылась, бульон наливался. Ребенок брал ложку и, хлебая бульон, светски сообщал:

– Это мясо я не буду, оно грязное, потому что лежало в бульоне.

Папа тирана молча, но с зубовым скрежетом, мыл мясо под краном, шмякал его в тарелку, ставил руки в боки и грозно смотрел на сына.

– Не буду я это мясо, – невозмутимо отвечал тот на невысказанный вопрос. – Оно грязное!

– Я его помыл!!! – ревел папа.

– Помыл, – соглашался сын. – Но положил в грязную тарелку! В ней лежало немытое мясо...

Какое время веселое, а? Теперь были бы только мясо, бульон и прочее, включая оладьи, – все будет съедено быстро и с прекрасным аппетитом!

– А моё... не знаю, что... оно готово? – Колян внимательно посмотрел на накрытые крышками сковородки на плите.

– Твой листовой салат, кефир и сыр тофу в холодильнике...

Вчера, объевшись за ужином у хлебосольных Максимовых, муж принял героическое решение начать ограничивать себя в еде.

– А разве больше ничего не осталось? – словами идейно близкого ему Винни Пуха жалобно спросил этот мужественный человек, скривившись при упоминании салата и тофу.

– Глазунья из трех яиц на сковороде, – договорила я.

Так и знала, что зеленью и кефиром Коля Пух не обойдется.

– Так это совсем другое дело! – обрадованный супруг устроился за столом, вооружился ножом и вилкой.

Вернулся из ванной умытый и побритый сынище. Сцапал в обе руки по оладушку, запихнулся, огляделся искательно, подтянул к себе банку с медом. Девятнадцать годков, а еще ребенок ребенком!

– У кого какие планы на сегодня? – светски поинтересовалась я, непринужденно отняв у ребенка мед, чтобы полить им свой творог.

За два «ковидных» года многое в нашей жизни изменилось. Главное – теперь мы все постоянно дома. Мы с мужем удаленно работаем, сын дистанционно учится – никто не срывается с постели спозаранку, чтобы успеть в присутствие к девяти ноль-ноль. Мы неторопливо встаем, со вкусом завтракаем и расходимся по своим рабочим местам, обустроенным соответственно собственным вкусам и запросам.

Я, например, прекрасно научилась работать лежа на диване. На животе макбук, справа мышь и мобильник, слева айпад и наушники – что еще нужно писателю-редактору-копирайтеру? Утомилась – спихнула с себя компьютерную технику, глазки закрыла, ладошку под щеку подсунула – и баю-бай...

Лично у меня необходимость выходить из дома связана теперь исключительно с пополнением запасов продовольствия и всяческими развлечениями. По вторникам, например, я хожу в кино – в этот день билеты совсем дешевые...

– Я после обеда в спортзал и в бассейн, – сообщил Колян и пытливо ущипнул себя за бочок. – Вчера у Максимовых, наверное, целый килограмм наел, теперь страшно на весы становиться...

– А у меня сегодня вождение по городу, – уведомил сын.

– Первый раз за рулем не на автодроме? Это веха! – понятиливо покивал муж. – То-то, я смотрю, ты такой нарядный!

Я посмотрела на Колюшку и только теперь заметила выглядывающий из нагрудного кармашка джинсовой рубашки уголок белоснежного платочка. С общим незатейливо-демократичным прикидом он как-то дисгармонировал.

– По-моему, крахмальный батист не сочетается с джинсой, – высказалась я и потянулась, чтобы затолкать белоснежное острое «ушко» поглубже в карман. – Кстати, откуда этот платочек? Ты же обычно бумажными пользуешься.

– Это... ну, скажем, сувенир, – сын отстранился, не позволив мне прикоснуться к платочку. – На память об одном человеке...

– О девушке? – Колян подмигнул сыну. – Кто такая, как зовут?

– Валентина.

– Хорошенькая? У вас с ней что?

– Извините, мне уже пора! – Колюшка встал, неловко выбрался из-за стола.

– А чай? А бутерброды? – всполошилась я. Ответа не получила и укоризненно посмотрела на мужа.

– Что? Не надо было спрашивать про девушку? Ну, я же не знал, что это секрет! А ты сама-то – «батист не носят с джинсой, дай сюда, это что у тебя?» – передразнил он меня.

– Деликатнее надо быть, тактичнее! Кто же так прямолинейно, в лоб, интимными подробностями интересуется! – я постучала кулачком по тому месту, где предположительно находится третий глаз. Не у нас с супругом – у каких-то других людей, одаренных от рождения повышенной чуткостью.

– Да брось, ничего страшного! У нас крепкий парень, а не кисейная барышня, – отмахнулся Колян, умудрившись закончить просторное движение рукой в тарелке с недоеденными сыном оладьями. – Умн, вкусно!

– И вредно! – я шлепнула его по руке, проворно подхватила выпавший оладушек и быстро сунула его себе в рот.

И чуть не подавилась, запоздало соотнеся красивое и редкое по нынешним временам имя «Валентина» со вчерашним ЧП на автодроме:

– Боже! Это же могла быть та самая Валя Антиповец!

– Кто такая, почему не знаю и с чего бы такая тревога? – супруг заботливо похлопал меня по спине.

– Ну, здравствуйте, я же тебе перед сном рассказывала! – я всплеснула руками. – Вчера на автодроме взорвалась машина той автошколы, в которой учится Колюшка, погибла девушка, которая в тот момент была за рулем: Валентина Антиповец!

– Ах, та Валентина! – до Коляна дошло. Он оглянулся на коридор – в дальнем его конце возился, шнуруя кроссовки, Колюшка. – Сынок! Так ты был знаком с погибшей девушкой?

Я помотала головой: бесполезно говорить о тактичности и деликатности, кое-кто в принципе не знает, что это такое!

– Мы на теоретических занятиях пересекались, – ответил сын из прихожей.

Голос у него был ровный, и я успокоилась. Непохоже, чтобы парень сильно переживал.

– У меня как-то на лекции кровь носом пошла, и она мне свой платок дала, но я обошелся бумажными салфетками, – сын заглянул в кухню. – Еще вопросы? Подозрения? Предположения? – тут он почему-то посмотрел на меня. – Не сочиняйте ничего, я с этой Валею только раз парой слов перемолвился. Но, конечно, мне ее очень жаль.

Мы с Коляном сочувственно покивали, как пара китайских болванчиков.

– Все, я ушел! До новых встреч в эфире, – сын протопал к выходу, открыл и закрыл за собой наружную дверь.

Мы с мужем переглянулись, синхронно пожали плечами. Закончили завтрак и разошлись по углам, устроившись каждый за своим компьютером.

Я открыла рукопись, присланную мне издательством на редактуру, и погрузилась в работу, но вскоре начала нервно хихикать.

– Ну, что там у тебя? – досадливо спросил Колян. – Я же вижу, что ты жаждешь поделиться!

– Это дамский сентиментальный роман, но тебе точно понравится, – я не заставила себя упрашивать. – Слушай: «Она упала, больно стукнувшись копчиком о ребро...»

– Чье?

– А не знаю! Из контекста непонятно, чье ребро имеется в виду – ступеньки или кавалера!

– Он у нее такой худой? Кавалер-то? – я не поняла, с какой эмоцией был задан вопрос. То ли с сочувствием, то ли с завистью...

– Он у нее странный, – ответила я. – Смотри, как описан: «Среди других он выделялся царапающим взглядом и крепким телом с длинными волосами и твердой решеткой на животе».

– А, так это о его решетку на животе она отбила себе копчик? – Колян честно попытался вникнуть, но не преуспел. – Нет, погоди, что-то не сходится: длинные волосы на его теле должны были самортизировать удар!

– Заметь, у мужика еще и взгляд царапающий, – я тщетно сдерживала смех. – Это ж как могла травмироваться бедная девушка!

– Когда, во время секса? – муж демонстрировал живой интерес. – А есть описание процесса? Я бы послушал.

– Описания как такового нет, – огорчила его я. – Тут все пока что очень целомудренно. Первая глава заканчивается тем, что она отбила копчик о ребро, а вторая глава начинается так: «После ночи любви она валялась в его объятиях...»

– Не просто лежала, а именно валялась? – уточнил Колян. – Видать, не удовлетворил он ее, иначе с чего бы такое беспокойство... Так, у тебя все пока? Я могу вернуться к работе? У

меня тут бычи тенденции на крипторынке – это, конечно, не так увлекательно, как смычка копчика с ребром, но тоже довольно эротично.

Поржав, мы вернулись к работе. Час-другой добросовестно трудились, нарушая сосредоточенную тишину только частым щелканьем компьютерных клавиш. Потом Колян потянулся и вкрадчиво поинтересовался:

– Кисюша, а что у нас сегодня на обед?

– Лазанья с соусом болоньезе и пармезаном, – ответила я с удовольствием, потому что история с обретением пармезана грела мне душу.

Несколько месяцев назад наш холодильник неожиданно перешел на темную сторону силы – внутри него перегорела лампочка, и в недрах агрегата воцарился эротичный полумрак. А в семье же все очень умные, на троих четыре с половиной высших образования и шестьдесят четыре собственноручно написанных книжки, что определенно выдает место произрастания верхних конечностей как тазобедренную область. Естественно, никто ничего не починил, и просветления во внутреннем мире холодильника так и не случилось.

Казалось бы, это плохо.

Но!

В крошечном мраке в дальнем углу надежно спряталась упаковочка пармезана, привезенная из последней поездки в Рим и случайно найденная буквально вчера.

А это ведь хорошо!

Нечаянная радость, респект первобытному инстинкту охотника и собирателя, торжество в духе «Вот, видишь, а ты говорила – надо лампочку чинить!» и вкусный ужин для семьи.

То есть каждый минус – он же потенциальный плюс! В слабостях наша сила!

– Эх, надо было бутылочку вина купить, – расстроился Колян. – Лазанья – и без вина? Не по-нашему это как-то, не по-итальянски...

– Сгоняешь в магазин?

– Не могу, мне до обеда еще три новости сделать надо, иначе не выкрою времени на бассейн.

– Ладно, я сама, – я решительно освободилась от гнета макбука, в кухне сунула в духовку блюдо с лазаньей, поставила таймер на сорок минут и пошла переодеваться из домашней одежды (по осени у меня это кигуруми медведика) в выходную (это теперь, как правило, джинсы и курточка).

До ближайшего магазина с лицензией на торговлю спиртным было недалеко, и я не почтила своим присутствием общественный транспорт. Купила бутылочку красного сухого вина и уже прошла большую часть обратного пути, когда затрезвонил мой мобильный.

– Здорово, Логунова! – странным деловито-заискивающим тоном приветствовала меня Катерина Соколова – замглавреда телекомпании, откуда я уволилась два года назад.

Тогда, в преддверии локдауна, администрация телеканала предложила сотрудникам уйти в бессрочный неоплачиваемый отпуск. С учетом того, что почти у всех ребят не имелось других постоянных доходов, кроме зарплаты на ТВ, а шабашки в виде съемок свадеб и дней рождений накрылись коронавирусом тазом, со стороны руководства это было сущее свинство. Меня-то спасали от голодной смерти регулярные издательские гонорары, и уволиться я уволилась, но затаила на начальство зуб – им и цыкнула презрительно, когда меня стали звать обратно.

– Здорово, Соколова! – в тон и в рифму отозвалась я. – Что это ты мне звонишь, какой медведь в лесу помер?

– Не в бровь, а в глаз, – пробормотала Катерина. – Ты прям телепат!

Я расценила это как неуклюжую попытку мне польстить и предложила:

– Не будем телепаться, ближе к делу!

– Ты как всегда! «Время, которое у нас есть, – это деньги, которых у нас нет!» – бывшая коллега процитировала фразочку, которая с моей легкой руки стала негласным девизом коллектива.

В самом деле, сия мудрость мне очень близка, причем даже не в связи с деньгами. С годами начинаешь все выше ценить свое время и до совершенства оттачиваешь навык посылать тех, кто на него покушается, туда, куда Макар, если он не извращенец, никогда не гонял невинных телят.

Ответы на вопросы приобретают изысканную лаконичность форм, в которых отливают топоры палачей и ножи гильотин: «Лен, внесешь правки, которые заказчик прислал пятью аудиофайлами, потому что ему лень формулировать свои мысли и записывать их?» – «Нет». «Елена, сможете снова съездить на интервью к клиенту, который не знает, о чем говорить, поэтому споет вам все ту же песню в третий раз?» – «Нет». «Лена, тебя ждать на планерку, которая на фиг никому не нужна, но традиции святы, а ты же напишешь все за ночь к утру?!» – «Нет».

Сим, сын Ноя, жил шестьсот лет, а мне не так повезло с наследственностью, и я не могу разбазаривать время. Не все оно меняется на деньги, есть золотой запас, который предназначен для родных и друзей. Они могут прислать тупой видосик, смешную фотку или полночную мысль глубиной в Марианскую впадину, позвонить, прийти, отвлечь, оттащить от компа, разложить шахматную доску, поле для «Монополии» или бумажки с тестами, налить, еще раз налить, обсопливить мою жилетку или настойчиво подсунуть свою. Им – можно. Прочим – нет.

По-моему, это правильно.

– Окей, я перейду к делу: возьмешь заказ на фильм? – Соколова уяснила, что в реверансах и прелюдиях необходимости нет, и заговорила иначе.

– О чем и почему?

Я иногда беру разные журналистские шабашки. Это и лишнюю копеечку приносит, и кое-как удовлетворяет мою тоску по славным телевизионным временам с прямыми эфирами и всяческой движухой. Что уж скрывать, нынче моя жизнь скучновата, приходится разнообразить ее по мере сил и возможностей.

– Почему – это ты с Мастодонтом договоришься, он и заказчик, и инициатор этого проекта.

– Да ладно? Тряхнул дедуля седой стариной?

Мастодонт – это собственник телекомпании, в миру – Анатолий Ефимович Масин. В уютные застойные времена он был директором какого-то завода, потом умудрился прихватизировать производство, сделался неприлично богат и прикупил себе всякого разного, в том числе и нашу молодую тогда телекомпанию. Но в работу программной дирекции и продакшн Мастодонт давно уже не вникал, ограничившись финансовым контролем и представительскими функциями, – он очень любит держаться вблизи власть имущих.

– Странно, да? – Катерина разделила мое удивление. – Хотя и закономерно. Антиповец все же какое-то время был совладельцем нашего канала, а у Мастодонта, говорят, есть доля в его «оптушке». Так что со стороны нашего шефа это что-то вроде дани памяти соратнику и компаньону...

– Антиповец? – я перебила, не дослушав. – Стой, погоди, вы хотите заказать мне фильм о нем? А ты в курсе, что он...

– Уже во всех смыслах не с нами? – подхватила экс-коллега. – Конечно, это и стало поводом для Мастодонта! Он же хочет не просто фильм-воспоминание с задумчивыми бла-бла-бла, а журналистское расследование!

– Это очень интересно...

Я прикинула: отличная возможность разобраться с ЧП на автодроме не в режиме предоступительной партизанщины, а с соответствующими полномочиями!

Конечно, Лазарчук не откажется от мнения, будто я снова путаюсь под ногами у следствия, но я смогу делать гордый вид – мол, сие не мой досадный каприз, а важный общественный заказ!

– Минутку, а почему вы не хотите сделать свой редакционный материал?

– Ле-на-а-а! – Катерина застонала. – С кем его делать? Я повторюсь, шеф хочет основательное журналистское расследование, как в старые добрые времена, а у меня в редакции сплошь мальчишки-девочки, чей потолок – видосики в Интернете! Они тексты пишут с кошмарными ошибками, думать сами не умеют, что они там расследуют?!

– У тебя из старой гвардии Муромец остался, – напомнила я.

Никита Муромец подвизается на ТВ в качестве политолога-аналитика, его авторскую рубрику «Между тем» периодически подвешивают к выпуску вечерних новостей. Обычно Муромец с умным видом разъясняет и аргументирует позицию региональных властей, начиная со своего коронного приветствия: «Между тем здравствуйте!»

– Про Муромца даже не говори мне! – вспыхнула Катерина. – Ты знаешь, что он учудил?

– Не знаю. Неужто покритиковал губернатора? – притворно ужаснулась я.

– Хуже! Он свалился с коронавирусом! Как тебе? Все нормальные люди давно переболели и привились, ковид – позавчерашний день, уже неактуальная тема, а наш Муромец в нее только сейчас ворвался! Вот это, я понимаю, позднее зажигание! – Катерина аж закашлялась от возмущения. Кое-как она успокоилась и заговорила ровнее: – Короче, на этот проект нужен опытный журналист, желательно из наших бывших, кто знает историю канала и его основателей и при этом достаточно зубастый. Ты как раз подходишь, Мастоdont сам тебя вспомнил. Ну, согласна?

– Предварительно – да, но все-таки хочу понимать, что мне за это будет.

– В смысле гонорара – не обидим, не сомневайся. И все ресурсы выделим.

– Ну-ка, ну-ка? – про ресурсы мне было интересно. – Теплякова мне дашь в операторы?

– Женю-то? – Катерина хмыкнула. – Лена, я помню, что Тепляков много лет был твоим напарником, но вы, наверное, давно не общались. У Жени теперь гастрит и спина больная, он у нас на выезде уже не работает, только в студии – там тепло, светло, спокойно, не надо тяжести таскать. Но я тебе дам молодое дарование. Перспективный юноша, зовут Данила. Снимать умеет, любит и не ленится, недавно с камерой на плече на башенный кран залез, чтоб панораму стройки сделать. Я ему говорю – зачем, есть же коптер, он прекрасную картинку дает? А он – коптер не живой, он без души снимает... А? Поэт! Философ! Энтузиаст! Придурок... Тебе понравится. Ну, и машину вам дать постараемся, если нужно. И все полезные контакты, хотя у тебя, я помню, свой прекрасный человек в ГУВД имеется, – тут Катерина вздохнула.

Я вспомнила, что приводила Лазарчука, который тогда как раз развелся, на какой-то наш тивишный корпоратив. Лет десять назад это было, а смотри-ка, запомнился наш бравый мент, запал в девичью память!

– Ладно, считай, я согласна.

– Отлично, тогда будь готова, тебе позвонят!

– Всегда готова! – мы закончили разговор.

Я убрала в карман мобильный и остановилась, дожидаясь, пока на светофоре загорится зеленый. Мне осталось через улицу перейти – и вот он, наш дом.

От нечего делать я рассматривала открывшуюся мне картину. Вполне симпатичную – дом у нас трехэтажный, с толстыми стенами, высокими потолками и уютной бургерской архитектурой, его еще пленные немцы в пятьдесят втором году построили. Два крыла неравной длины образуют прямой угол, короткой стороне параллельна оживленная улица, а вдоль длинной, куда выходят окна нашей квартиры, тянется зеленая зона. Там травка, липы и сосны в четыре ряда – и никаких тропинок, кроме протоптанных собаководовладельцами и их питомцами.

В период локдауна это было очень оживленное место, какая-то собачья Пикадилли – кажется, все хвостатые и усатые-полосатые района там выгуливались, причем не только песики, но и котики, и хорьки, и дюжие морские свинки. Я даже игуану на поводке и в шлейке как-то видела! А некоторые собаки гуляли под нашими липами так часто, что я стала узнавать их морду лица.

Особенно мне запомнился один мопс, он, наверное, использовался для легализации прогулок всех жильцов многоквартирного дома: уходил из сквера с одним двуногим сопровождающим, вскоре возвращался с другим – и так с утра до вечера. На редкость строен и поджар сделался этот изначально жирненький мопсик к концу карантина...

Сейчас в «зеленке» у нашего дома тоже прохаживалась собака, но одинокая, без своего человека. Я присмотрелась издали – в ошейнике, но без поводка. Потерялась, что ли?

Собака бродила по траве, обнюхивая стволы деревьев, но вдруг вскинула голову, насторожилась – и через пару секунд рыжей молнией метнулась к дому.

Куда это она? Надеюсь, не кота гонять?

У наших соседей со второго этажа есть кот, который гуляет сам по себе. Он важен, толст, нетороплив и абсолютно уверен в своей безопасности, а тут какая-то незнакомая собака...

Я встревожилась и заторопилась через дорогу – как раз зажегся зеленый, – спасти кота. Но еще с пешеходной «зебры» увидела, что собака нацелилась вовсе не на него.

Вдоль длинного фасада дома по дорожке под балконами к воротам, ведущим во двор, короткими переходами двигалась старушка Татьяна Васильевна из десятой квартиры.

Ей уже далеко за семьдесят, но она все еще работает, преподает деткам русский язык и литературу. Школа, где она трудится, находится совсем рядом, всего в квартале от дома, и Татьяна Васильевна ходит туда и обратно пешком. При этом она всегда изрядно нагружена, потому что письменные работы проверяет не в учительской, как ее более молодые коллеги, а у себя дома – неторопливо и обстоятельно. Тетрадок много, они объемные и тяжелые, и Татьяна Васильевна не расстается с черным кожаным портфелем, знававшим лучшие времена. Округлый, почти бесформенный, он всегда блестит и источает запах гуталина...

Может, собаке этот аромат не понравился? Или, наоборот, почему-то привлек ее?

Бедная Татьяна Васильевна в очередной раз остановилась и поставила свою нелегкую ношу на землю, давая себе передышку, и тут набежавшая сбоку четвероногая разбойница цапнула скобку кожаной ручки и потащила портфель прочь от его законной владелицы!

Ну как потащила? Поволокла с заметным усилием, подпिनывая на ходу передними лапами, роняя, валяя в пыли и опять подхватывая за ручку.

Я неуверенно хихикнула, но спохватилась и ускорила, намереваясь сделать то, что не под силу усталой старушке: догнать хвостатого грабителя и вернуть портфель Татьяне Васильевне.

Бабушка, впрочем, и сама уже пустилась в погоню, но та в ее исполнении выглядела жалко. Старушка-учительница, держась одной рукой за поясницу, другую простерла вослед удаляющейся псине с портфелем и сделала пару неверных шагов. При этом она зывала хорошо поставленным учительским голосом:

– Собака, ты куда? Вернись сейчас же! Я кому сказала?

– Встань и выйди из класса, – пробормотала я, потому что это напрашивалось само собой. – И без родителей не возвращайся...

Родителей, то есть хозяев предприимчивой собачки, по-прежнему не было видно. Сознывая свою роль в истории, я обогнала Татьяну Васильевну и уже почти настигла разбойную псину – та двигалась на пониженной скорости, потому как портфель ей очень мешал. Я наклонилась и потянулась, собираясь схватить собаку за ошейник, и тут вдруг за моей спиной страшно грохнуло – как будто что-то взорвалось.

Я рефлексивно отскочила в сторону, чуть ли не в воздухе, в прыжке – в пируэте, как фигуристка! – развернулась и увидела широкий столб не то дыма, не то пыли.

Из него, чихая и кашляя, выдвинулась Татьяна Васильевна. По моей ноге мазнуло мягким – это собака, бросив портфель, подбежала к старушке и запрыгала вокруг нее, всем своим видом и поведением изображая искреннюю радость.

– Ах ты, умница, – почему-то говорила ей соседка. – Хорошая собака, молодец!

– Садись, пять, – снова машинально пробормотала я.

Пыль оседала, открывая картину неожиданных разрушений. На узком тротуаре, как раз там, где устраивала привал уставшая старушка-учительница, лежал помятый и разбитый короб с непонятным барахлом.

Осмотревшись и углядев дырку в стене под крышей, я поняла, что случилось: сорвался и упал тяжелый кондиционер. Вместе с одним кронштейном – второй так и торчал в стене одиноким крюком.

– Витька, черт безрукий, ты как новый кондюк повесил? На сопли свои налепил его?! – донеслось сверху.

Тетя Соня Соломонова из второго подъезда, опасно перегнувшись через перила своего балкона, рассматривала дырку в стене и ругала супруга. Тот появился в окне, высунулся наружу, зачем-то пощупал уцелевший кронштейн и снова спрятался, плотно закрыв раму.

– Убью, бестолочь! – убежденно пообещала тетя Соня нам с Татьяной Васильевной и тоже скрылась в квартире.

– А я же как раз там стояла, на том самом месте, – опутив взгляд с горних высей, где бушевал ангел возмездия тетя Соня, на разбитый кондюк, поразительно спокойно сказала старушка-учительница. И вдруг охнула, схватила за сердце – осознала: – Да если бы собачка не увела меня, не спасла...

– Тихо, тихо, – я подхватила Татьяну Васильевну под локоть, помогла дойти до ворот и присесть там на выступ-лавочку. – Все хорошо, обошлось, ничего страшного не произошло... пока. – Тут я оглянулась на окна квартиры Соломоновых, где что-то страшное могло происходить прямо сейчас. – Надеюсь, тетя Соня не убьет дядю Витю...

– За сорок лет не убила – и сейчас пощадит, – хмыкнула Татьяна Васильевна и огляделась: – Собака где? Спасительница моя. Иди сюда, хорошая, иди ко мне, умница!

Хорошая умница охотно подбежала к нам и села у ног старушки, преданно глядя ей в лицо и, кажется, улыбаясь. Я плохо разбираюсь в собачьей мимике – опыта маловато. Всего-то одного мопса продолжительно наблюдала в локдаун, да и у того единственная мина была – гримаса неизбывного страдания.

– Ты, деточка, бездомная, да? – сочувственно спросила соседка собаку. – Как жаль, что я не могу взять тебя к себе, мои кошки мне этого не позволят... Но хотя бы накормить тебя, милая, я просто обязана.

Она встала, беспомощно посмотрела на свой портфель – тот, помятый и пыльный, похожий на поддувшийся мяч, валялся в нескольких метрах от нас.

Я сбегала и принесла старушке ее злополучную ручную кладь. Хотела проводить Татьяну Васильевну до квартиры, помочь ей донести портфель, но она решительно воспротивилась:

– Сама дойду, я уже в полном порядке. А ты, деточка, с собачкой побудь тут, пожалуйста, чтобы не убежала она. Я ей вкусенького принесу... Сидеть! Ждать! – велела она псине и пошла в свой подъезд.

Сидели и ждали мы минут пятнадцать, не меньше. Что поделаешь, старенькие бабушки – они не скороходы. За это время я успела пообщаться с полудюжиной соседей, встревоженных эффектным падением соломоновского кондюка.

Обсудив случившееся, народ сошелся во мнении, что Татьяне Васильевне чудесным образом повезло, а дяде Вите Соломонову – вовсе наоборот. Надо добиться от РЭПа про-

верки навесных конструкций типа «кондиционер бытовой», потому что те у нас наклеплены, как ласточкины гнезда, во множестве, а чудо-собачек на всех не напасешься.

– Свалится такой гроб с музыкой кому-то на голову – и привет! – веско молвил Василий Челышев – глава многодетного семейства, живущего на первом этаже.

– Дорожку эту обходить надо, – озабоченно сказала Маринка Лосева, наш управдом. – Я говорила, предупреждала: на нее и снег с крыши валится, и сосульки...

– И кондиционеры, – ехидно поддакнула Маринкина матушка – шикарная старуха Элина Абрамовна. – И прищепки с балконов.

– Против прищепок мы не возражаем, наш Ромик очень любит их собирать, – заявила молодая мать Настя. – А вот окурки с балконов я бы очень попросила не бросать!

– Ха, окурки! – дядя Боря Трошкин передернул плечами в малиновом пиджаке, надетом на майку-алкоголичку, – его любимый наряд для выхода в люди. – Бабка Плужникова со своего третьего этажа огурцами кидается и персиковыми косточками!

– Не персиковыми, а алычовыми! – возмутилась сама бабка Плужникова. – Откель у меня деньги на персики, они дорогие, как сто собак!

– Кстати, о собаках! – сквозь небольшую толпу соседей, активно обсуждающих риски прогулок под балконами и дороговизну продуктов питания, протиснулась Татьяна Петровна с пластиковой миской в руке. – Иди покушай, детка!

Все замолчали, глядя, как старушка-учительница ставит перед своей спасительницей угощение.

– Никак борщ с говядиной? – пошевелив носом, уточнил Василий Челышев и вздохнул.

– И откель у тебя, Танька, деньги на говядину? – моментально завелась скандальная бабка Плужникова.

Я тихо отделилась от толпы и пошла домой.

Я не чудо-собачка, меня борщом никто просто так не накормит, придется самой позаботиться о лазанье насущной.

Во второй половине дня мне позвонил незнакомый юноша.

– Здравствуйте, Еленыванна, – сказал он избыточно почтительно. – Это Данила с телевидения, вам Екатеринмихална звонила...

– Здравствуйте, Данила... а по батюшке как?

– А чего сразу по батюшке? – озадачился юноша.

– Ну, не по матушке же? Вроде не за что пока, – развеселилась я.

– Ну, Андреевич я...

– Даниландрейч, стало быть...

– Ой, давайте я буду просто Данила, можно Даня!

– Только если я буду просто Елена!

– А можно?! – юный Андреич и удивился, и обрадовался. – Вы ж у нас тут эта... живая легенда!

– Живая – это хорошо, – я непроизвольно поморщилась.

Дожила! Восторженные телевизионные новобранцы воспринимают меня как ветерана Пунических войн!

– Ну, когда мы приступим? С чего начнем? – юный Андреич рвался в бой.

– С личного знакомства? – предложила я. – Как насчет кофе с круассаном или чая с ватрушкой?

– Это я всегда с удовольствием!

Я удовлетворенно кивнула: не обманула Катерина, из юноши в самом деле может получиться толковый оператор.

Для тружеников камеры и микрофона неизменно хороший аппетит и способность есть когда угодно и что угодно про запас, как это делают верблюды, считай, наипервейший показатель профпригодности. Даже важнее, чем семижилность, умение за минуту собираться по тревоге, крепкие плечи и нервы, руки без дрожи и точный глазомер.

Мы договорились о завтрашней встрече, и я пошла разогревать обед: как раз вернулся со своей практики вождения Колюшка.

– Как прошло сегодняшнее занятие? – осторожно поинтересовалась я, когда сын сел за стол.

– Не так как вчерашнее: сегодня никто не взорвался, – ехидно ответил потомок. – Тебя же именно это интересует?

– В том числе да. А по поводу вчерашнего взрыва что слышно? – я отбросила церемонии, спросила прямо: – Наверняка ученики и работники автошколы обсуждают эту тему и что говорят?

– Кто что, – Колюшка принялся за лазанью. – Мой инструктор – что их трясут, как грушу, выясняют, как в машину взрывное устройство попало.

– И как? – заинтересовалась я.

– Похоже, что с личными вещами. Валина сумка лежала на заднем сиденье.

– Это значит, что взорвать хотели именно ее, – рассудила я.

– Ага. Валин инструктор крестится как заведенный, не нарадуется, что жив остался. Он же вообще-то тоже в машине сидел, но вылез, чтобы со стороны посмотреть, как она будет выполнять заезд в гараж и параллельную парковку.

– Это, конечно, хорошо, что он вылез, но подозрительно, – заметила я.

– Вот-вот! – сын поднял вилку. – Следовательно, похоже, тоже так считает. Инструктор, его Максим зовут, жаловался, что из него душу вынули, расспрашивая, что да как.

– В смысле?

– В смысле, когда и где он Валю в машину сажал, как маршрут выбирал и упражнения планировал, почему оставил ученицу в машине одну... Есть еще что-нибудь?

– В смысле вопросов? – не поняла я.

– В смысле еды! Я бы не отказался от добавки, – сын вытянул шею, присматриваясь к кастрюлькам на плите.

– Могу предложить булку с маком.

– Лучше две!

– Держи, – я выдала юному проглоту две булки и кружку компота. – И продолжай.

– Продолжаю, – сын впился зубами в сдобу.

– Не есть продолжай! Хотя и есть, конечно, тоже. Рассказывай! Как объясняет свои действия инструктор Максим?

– Никак не объясняет. А что такого-то? Валентину он всякий раз встречал на парковке у торгового центра. Она приезжала туда на своей машине...

– Постой, какая своя машина? У нее же еще не было прав!

– Прав не было, а своя машина уже имелась, – сын доел первую булку и скривил лицо в недовольной гримасе, но не в адрес производителей выпечки: – Богатый старый муж раскошелился на новую «Тойоту» и личного водителя. Тот девчонку и возил. Из дома забирал, доставлял к ТЦ, там она пересаживалась в учебную машину и ехала заниматься на автодром. Потом назад на парковку, в «Тойоту» и домой. Я так понял, старый пень молодую жену жестко контролировал, не оставлял без присмотра.

– И все равно недосмотрел, видишь, убили ее, – я отвернулась к мойке, чтобы заняться грязной посудой.

– Теперь ты мне расскажи, что я пропустил? – сын покончил с обедом, но не спешил вставать из-за стола. – Что за цирк с собачками у нас во дворе? Пацаны в углу строят виллу из

картонных коробок, одеяло расстелили, на нем какая-то Каштанка дрыхнет, как у себя дома, и никто ее не гонит, наоборот: миски с кормом в ряд стоят, обед из трех блюд минимум, только компота не хватает, – тут он заглянул в свой стакан и протянул его ко мне, безмолвно требуя добавки.

– Собака рыжеватая, похожа на помесь спаниэля с просяным веником? Это спасительница Татьяны Васильевны, – я налила потомку еще компота.

– Старой училки?

– Точно. Она, собака эта, вовремя увела сегодня бабулю из-под обрушившегося кондиционера. Возможно, жизнь ей спасла.

– И все? – сын выразил сомнение. – Спасла одну старушку – и сразу стала героиней всего двора? Ты правда думаешь, что наши пацаны так высоко ценят жизнь придирчивой училки русского и литературы?

Я обдумала сказанное и признала:

– Ты прав. Кажется, я тоже что-то пропустила. Спрошу у Маринки...

Тихо, чтобы не мешать работающему за своим компом мужу, я сходила в комнату за оставленным там мобильным и позвонила нашей управдомше.

– Ну что еще, что?! Ни сна, ни отдыха измученной душе! – с ходу заняла в трубку Лосева.

Она, между прочим, моя бывшая однокурсница – тоже на филфаке училась, но как-то переквалифицировалась в управдомы.

– Не плачь, девчонка, пройдут дожди, – игнорируя плаксивый тон собеседницы, бодро сказала я. – И вообще все пройдет, и это тоже.

С Маринкой надо знать, как разговаривать: она феноменальная хныкса и пессимистка, у нее все всегда плохо.

– Что – это? – спросила она с подозрением.

– Ты мне расскажи, – предложила я. – Что за суета вокруг собаки? По-моему, Белке и Стрелке во время предполетной подготовки меньше внимания было, чем этой нашей Каштанке.

– Анжеле, – поправила меня Маринка.

– Кому?!

– Собаку назвали Анжелой, – объяснила управдомша. – Хотели Ангелом, но ветеринар сказал, что она далеко не кобель.

– А что, и ветеринар уже был? – я искренне удивилась.

Чтобы жители нашего дома дружно воспылали такой любовью к приبلудному четвероногому, должно было случиться что-то совершенно особенное!

– А, так ты не в курсе, – Маринка повеселела. Она любит поболтать, особенно в режиме просвещения темных масс. – Ну, тогда слушай. Как Васильевна накормила собаку, ты видела, потом народ разошелся, во двор вышли дети. Старшие мальчишки Челышевых, оболтус Прокopenко, младший Косов – ну, ты знаешь эту гоп-компанию. Короче, затеяли они в футбол играть, но Катька Челышева отогнала их подальше от своих окон, чтобы опять ей стекла не побили.

– Я про собаку узнать хотела!

– Я про собаку и рассказываю. Она лежала на газоне, отдыхала, должно быть, после сытного обеда. Но не спала, за происходящим приглядывала. И тут кто-то из старших пацанов пнул по мячику так, что он на дорогу полетел, а Лешка Косов – он типа на воротах стоял – со всех ног за ним, за мячом то есть. И выскочил бы, дурень, прямо под машины, а они как раз на зеленый летели, если бы не эта собака.

– Она остановила Лешку? – не поверила я.

Младший Косов – весьма упитанный мальчик. Собака средних размеров в лобовом столкновении с ним была бы сметена и повержена.

– Она остановила мяч! Точнее говоря, отбила его обратно – и прямо в ноги Лешке! Он и упал. Нос разбил, зато под «КамАЗ» только шапочка угодила.

– Какая шапочка? – я ощутила легкое головокружение.

– Да бейсболка, что на Лешке была! Она на проезжую часть укатилась – и все, всмятку!

– Вот это история! – подивилась я. – Собака, получается, подтвердила свой статус ангела-хранителя!

– Ну! Потому Верка Косова и окрестила ее Анжелой! И зацеловала прям всю, и говяжью вырезку ей скормила, и к ветеринару свозила.

– К ветеринару-то зачем? Собака как-то пострадала?

– Как выяснилось, у нее есть ушибы и ссадины. Это Верка обнаружила, когда ее обнимала как родную. Ветеринар сказал – похоже, собаку недавно били палкой, а вообще-то она домашняя, ухоженная. Груминг там, когти подстриженные... А на шее у нее узел болтался, видно, к ошейнику была веревка привязана. Странно, ошейник хороший, кожаный, а вместо поводка простая веревка?

– Может, собаку украли у хозяев? – предположила я. – Увели на веревке, а она сорвалась и убежала, но не нашла путь домой.

– Годная версия, – согласилась Маринка. – Надо бы запостить в соцсетях объявление, что найдена собака. Пойду, сделаю это, а потом попрошу всех жильцов расшарить эту публикацию.

– Давай.

Я благословила управдомшу на доброе дело и села за работу.

На редактуру дамского романа у меня было три дня, пошел уже второй, а я еще и до середины текста не добралась. Как оставила героиню после первой эротической сцены, так она и валялась до сих пор в объятиях возлюбленного.

С копчиком, отбитым о ребро, и множественными повреждениями от царапающих взглядов.

Бедная женщина!

К вечеру погода испортилась, полил дождь, да такой сильный, что промятая колесами лужа под воротами, на выезде со двора, превратилась в славное море – священный Байкал, свободно раскинулась вдоль и вширь и даже залила первую ступеньку крыльца.

Колян, опасливо поглядев в окно на это безобразие, спросил дрессированный ИИ в своем смартфоне:

– Сири, какой прогноз погоды на завтра?

– Завтра днем будет преимущественно ясно, солнечно, воздух прогреется до двадцати двух градусов, – немного подумав, жизнерадостно ответила виртуальная помощница.

– Можешь называть меня Повелитель, – услышав позитивный ответ, благосклонно разрешил Колян.

– Хорошо, я буду называть вас Повелитель, – сговорчиво согласилась Сири и, подумав, подхалимски добавила: – Повелитель – красивое имя.

– Сири, я твой отец! – откровенно наглея, заявил Колян.

– И мы будем вместе править галактикой! – радостно подхватила подлиза-Сири. – Как отец и интеллектуальная система!

– Вообще-то он МОЙ отец! – ревниво напомнил Коля-младший.

– Третий будешь, – успокоил его отец и повелитель.

– Короче, вы на троих распатроните галактику, – хмыкнула я.

И подумала, что надо бы выяснить мое место в этой иерархии. Я при таком раскладе буду мать и повелительница – или так, пятое колесо в космической телеге?

Непогода прозрачно намекала, что надо бы пробираться в высшие эшелоны власти: в низших всем, кроме рыб и жабродышащих, в ближайшее время будет некомфортно.

– Очередной великий потоп! – встав рядом со мной у окна, прокомментировал происходящее за бортом Колян.

Дождь лупил по моревидной луже, та волновалась, шла рябью, как змеиная шкура. Зрелище завораживало.

– О! Ты слышишь? – муж сунулся ближе к стеклу и приоткрыл оконную раму.

Вместе с водяной пылью в помещение проник мужественный голос:

– Врагу-у-у не сдае-отся наш го-ордый «Варяг»!

Не попадая ни в ноты, ни в ритм дождя, барабанившего весьма энергично, из-за угла выплыл Василий Челышев.

– Набрался, – резюмировал Колян.

– Во всех смыслах, – поддакнула я.

На ногах у Василия были резиновые сапоги, но он то и дело загребал ими воду. Куртка с капюшоном, в нормальном состоянии серая, потемнела – промокла насквозь.

Колоколом бумкнула железная дверь подъезда.

– Ах ты ж, гад! – громко и почти восторженно вскричал женский голос.

Пение Василия достигло слуха его супруги Катерины.

– Ну, я тебе сейчас!

Формулировка грешила неточностью, но Василий, похоже, прекрасно понял, что его ждет, и резко сменил курс, повернув на девяносто градусов от крыльца, к которому собирался причалить.

По морю-луже прошла волна, покачнувшая большую ветку, – ее муж нашей управдомши Марины Семен Петрович заботливо воткнул в колодец ливневки, с которого водой выбило крышку.

Ветка пошатнулась, листья на ней затряслись.

Василий заметил это движение и, видимо, расценил его как призыв.

Он сменил репертуар, лирично запел:

– Бе-елая бере-о-за... под моим окно-ом... – и рывками, качаясь под действием принятого на грудь, пошел к воспеваемой «березе».

– Стой! Куда ты, дубина?! – рявкнула с крыльца, как с трибуны, Катерина.

– Эх, дуби-инушка, ухнем! – грянул Василий.

Дотянулся до дубинушки-березушки, широким жестом обнял ее, и да, ухнул!

– Там же люк, придурок! – взвизгнула Катя. – Ой, ма-а...

Закачалась, медленно поплыла по волнам освобожденная из плена люка ветка. Василий, занявший ее место, на секунду скрылся под водой, но тут же вынырнул и захрипел.

Меня обдало ветром: Колян сорвался с места, выскочил из квартиры, запрыгал вниз через две ступеньки.

Так и побежал в мягких домашних тапках из овчины, сообразила я, машинально отметив отсутствие грохота, который должны были бы производить гигантские шаги супруга.

– Что? Что случилось?! – прибежал из своей комнаты сын – на голове наушники, на лице испуг.

– «Варяг» тонет, – пробегая мимо него (и тоже в тапках), коротко ответила я и выскочила за дверь.

– Мам, ты совсем с ума сошла? – вдогонку поинтересовался непочтительный отпрыск.

Я сказанное им запомнила и даже успела, пока бежала вниз, сделать правильный вывод: так-так, значит, сынок считает, что обычно его любимая мама слегка не в себе! Ладно, проведем воспитательную беседу.

Потом. Когда предотвратим затопление «Варяга»...

Но принять участие в экстренных спасательных работах я не успела. Опоздали даже Колян и Катерина, бросившаяся с крыльца, как ее тезка, героиня пьесы Островского, с утеса.

Рыжая собака, названная Анжелой, опередила всех.

Когда я вылетела из подъезда, затормозив на крыльце у захлестываемой волнами нижней ступеньки, Василий уже отдалялся от невидимого теперь люка малым задним ходом, буксируемый вцепившейся в его куртку собакой.

– Р-родненькие вы мои! – причалив к крыльцу, захрипел спасенный и полез обниматься почему-то к Коляну, игнорируя собственную супругу.

Та, впрочем, тоже кинулась на шею вовсе не мужу: Катерина трясла и тискала мокрую собаку. А та и сама дрожала – во все стороны летели брызги.

– Вот! – прибыли новые действующие лица: из подъезда выскочили Маринка с мужем. – И вот!

Практичные Лосевы прибежали с пледами. Одним укутали Василия, другим собаку.

– Мне бы чего погорячее, – откашлявшись, просительно сказал Чельшев.

– Погорячительнее тебе? – тут же завелась Катерина, тряся кулачками в опасной близости от физиономии супруга. Тот отворачивался и страдальчески кривился. – Ах ты ж, гад такой! Нажрался – и топить, а у тебя, между прочим, дети! Кредиты! Ипотека еще не выплаченная!

– Ну-у, понеслась! – Многодетный отец повернулся и, спасаясь от набегающей сзади благоверной, скрылся в подъезде.

На крыльце остались пятеро: мы с Коляном, Лосевы и собака.

– Сема, ветку надо обратно воткнуть, – посмотрев на лужу, сказала мужу Маринка.

– Сейчас, только заброды надену, – Семен Петрович повернулся и пошел в подвал, где он хранит свое снаряжение рыболова.

– А Желечку в подъезде устроить, – продолжила распоряжаться управдомша.

Я поглядела на газон, где днем пацаны соорудили Анжеле виллу из коробок. Картонки размокли и покривились. Очевидно, собака пряталась от дождя под навесом на крыльце первого подъезда, оттуда и высмотрела утопающего...

– У нас есть коврик из пенки, им никто не пользуется, Анжеле на нем не холодно будет, – вспомнила я и заспешила вверх по лестнице.

Заодно с ковриком принесла пару сосисок.

Маринка притащила миску собачьего корма – надо же, обделила любимого чихуахуа! Колян тем временем отжал и выкрутил снятый с собаки мокрый плед и затейливо пристроил его сушиться на почтовых ящиках, заодно отгородив угол, где мы устроили на постой нашу рыжую подругу.

– Кодовым замком пока не пользуемся, – предупредила еще Маринка и подперла дверь подъезда кирпичом. – Все, я пошла к себе. Надо проинформировать жильцов.

Я присела на корточки рядом с псиной, охотно улегшейся на пенку.

– Ты отдыхай уже, подруга, – сказала я ей, и пушистый собачий хвост застучал по полу, а шершавый язык прошелся по моей руке. – Хватит на сегодня героических подвигов.

– Апчи! – чихнул Колян.

– Вот, я правильно говорю, – кивнула я на мужа. И, спохватившись, встревожилась: – Ты что, простудился? Ну конечно, помчался на улицу в тапках, ноги промочил!

– А сама-то ты, можно подумать, в галошах прибежала! – огрызнулся супруг.

Из подвала на выход мимо нас, громко бұхая литыми резиновыми забродами длиной до бедер, проследовал невозмутимый Семен Петрович в брезентовом плаще с капюшоном.

Мы молча проводили его уважительными взглядами, прощально помахали героической собаке и пошли к себе.

– Куда это вы ушли? – открыв нам дверь, спросил Колюшка. И, посмотрев на наши ноги, добавил в голос печального удивления: – В белых тапках...

– К счастью, не в последний путь! – бодро ответил Колян и задорно чихнул.

– Не говори так, – я поежилась. – Слава богу, все живы. И даже будут здоровы, если быстро согреются... Сын, сделай чаю с малиной! Колян, бегом в ванную – парить ноги, а я найду нам сухие тапочки и теплые носки.

Четверть часа спустя мы сидели на кухне. Пили горячий чай и наблюдали, как в стиралке кувыркаются тапки из овчины, время от времени прижимаясь изнутри к стеклу дверцы, как белые меховые лапы какой-то зверюшки.

Тема странных животных, конечно, не закрылась. Управдомша в красках пересказала в домовом чате последнюю историю с участием приبلудной псины и попросила всех расшарить в соцсетях ее пост «Найдена собака».

Мнения жильцов разделились. По большей части народ высказывался в духе «такая корова нужна самому», возражая против поиска хозяев Анжелы.

Однако Вера Косова напомнила, что собаку, по словам ветеринара, били палкой, так что разобраться с ее хозяевами все-таки нужно. Если они жестоко обращались с животным, мы им, как минимум, сделаем внушение и Анжелу не отдадим.

При этом желающих взять собаку на постой к себе в квартиру пока не нашлось.

– Может, мы ее себе заберем? – загорелся Колюшка.

Я вспомнила, как лет пятнадцать назад прооперировала глаза и вернулась домой из клиники в черных очках. «Мамочка! Бедненькая! Ты ничего не видишь?! Ур-р-ра!» – возопил любящий сын и побежал разбивать копилку. «Коля, оставь копилку, и почему ура?!» – спросила я, неприятно удивленная. «Мамочка! Раз ты слепая, теперь мы наконец-таки купим собачку!!! И она будет тебя водить!» – отвечивал заботливый ребенок.

– Мы не можем, – ответил муж, пока я вновь переживала давнюю обиду. – Ты забыл, что у тебя аллергия на шерсть животных? Вот тут Чельшевы предлагают дать этой собаке статус сына полка, то есть дочери нашего многоквартирного дома, – он постучал пальцем по экрану смартфона. – Василий обещает сам, лично, построить для своей спасительницы капитальную будку. Только просит всех скинуться...

– На стройматериалы? – я понятиливо кивнула, но не угадала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.